

6. Тоталитаризм в Европе XX века: из истории идеологии движений, режимов и их преодоления. - М., 1996. с.511.
7. Conservative Century: The Conservative Party since 1900 /Ed. by Seldon A., Ball S. - Oxford, 1994. d.654,693.
8. "Борьба классов". 1931.'6-7, с.64.
9. Хатт А. Британский тред-юнионизм. Краткая история. - М., 1981. с.135.
10. Там же. с.137.
11. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 069 "Референтура по Англии". Оп. 17. Д.36. П.54. Л.33.
12. Cole G.D. H. A History of Labour Party from 1914. - L., 1948. d.295-296.
13. См. Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма. 1918-1939. - М., 1962.

И.А. Лактионова

К вопросу о феномене минойского матриархата

Исследование истории древнего Крита позволило отметить не только характерное для нее смещение "центра тяжести" социальной системы в сторону обычно бесправных и униженных женщин, но и феноменальность сосуществования мужчины и женщины.

Один из первых исследователей цивилизации А. Эванс отметил единообразие иконографии женского божества в минойском обществе, а также неизменное повторение одного и того же набора культовой утвари минойских святилищ разного типа и периодов¹. Отличительной чертой минойской цивилизации являлась матриархальность. Эта ситуация может иметь следующее объяснение: природа острова не всегда была благосклонна к его обитателям. На Крите постоянно происходили землетрясения, которые нередко достигали разрушительной силы. К этому следует прибавить частые в этих местах морские штормы, сопровождавшиеся грозами и ливневыми дождями. Испытывая ужас перед стихией, минойцы поклонялись ей в образе великого женского божества. "Великая богиня" являлась для минойцев дарительницей жизни и в тоже время была источником безмерной опасности.

Почитание, которое создавалось вокруг женщины в связи с ее ролью в воспроизводстве рода, подкреплялось тем, что именно женщины пользовались огромным авторитетом как главные блюстительницы культов хтонических божеств, отвечавших за землетрясения и другие проявления стихии.

По существу вся минойская культура и искусство несут на себе печать своеобразного феминизма, то есть типично женских взглядов и склонностей. По мнению немецкого исследователя Фр. Шахермайра, пристрастия архитекторов, скульпторов, художников проявились в определенной "женственности" минойского художественного вкуса, пристрастии к миниатюрным формам, которые шли в ущерб монументальности, а также в отсутствии чрезмерно строгих канонов и вообще слишком жесткой дисциплины художественного творчества. Предпочтения,

которые минойские мастера обычно выказывали к плавным, мягким линиям, увлеченность яркими и иногда даже пестрыми тонами настенной и вазовой живописи, говорит о чисто женском восприятии окружающего мира, ясно выраженном в сценах из жизни природы, об особом настроении праздничности, которое пронизывает все наиболее известные произведения классического критского искусства².

Взятые в своей совокупности эти специфические черты позволяют говорить о том, что система ценностей критской культуры была ориентирована в значительной мере на миролюбивое, уравновешенное и жизнеутверждающее женское начало. Эта ориентация одновременно объясняет подчеркнутое равнодушие минойских художников к трем темам, которые пользовались неизменной популярностью в искусстве стран и народов древнего мира: теме войны, охоты и эротики.

Однако такого рода мораль едва ли могла возникнуть и укорениться среди обитателей Крита в III-II тыс. до н. э.. Более вероятным выглядит другое объяснение этого феномена: табуирование эротических изображений и символов в минойском искусстве может быть свидетельством своеобразной дискриминации мужского пола.

Согласно археологическим данным, минойские города были построены на равнинной местности возле моря, а дворцы были лишены укреплений. Крайняя удаленность острова от государств Восточного Средиземноморья исключала возможность нападения со стороны, что совпадало с удивительным миролюбием критских мужчин и что воспринимается как некая аномалия на общем фоне суровых реалий бронзового века.

Однако нельзя отрицать того, что мужчины на Крите всегда оставались наиболее активной и предприимчивой частью социума. От их целенаправленной деятельности в первую очередь зависел прогресс минойской цивилизации в первые века II тыс. до н. э.. Именно они предпринимали далекие морские экспедиции к берегам Сирии и Египта, они проектировали и строили дворцовые комплексы, непрерывно экспериментировали, разрабатывали новые, более совершенные технологии, и с этим нельзя не согласиться.

С учетом всех этих особенностей становится более понятной природа явления, называемого "минойским матриархатом": его можно рассмотреть как своеобразную защитную реакцию архаической системы на слишком быстрое продвижение от первобытного общества к классам и государству. Этот стремительный переход критского общества на новую ступень развития не был достаточно подготовлен. Археологический материал эпохи ранней бронзы и раннеминойского периода не содержит в себе каких-либо свидетельств далеко продвинувшейся социальной дифференциации общества, зарождения новых форм собственности и государственных структур.

Представленные археологами произведения минойского искусства отражали пристрастия женского вкуса. Вероятнее всего, хозяйственный уклад и религия были прерогативой женщин, а мужчины, как активная

часть социума, занимались торговлей и мореплаванием. Подобное распределение ролей, вероятно, устраивало общество в целом, поэтому в обществе сознательно культивировалась инфантильность мужчин. Средства сдерживания стабилизации взяли на себя женщины как наиболее консервативная часть общества, которая пользовалась авторитетом и смогла выдвинуться на первый план общественной жизни. Вовлечение Крита в систему торговых контактов Восточного Средиземноморья на рубеже III-II тыс. до н. э. явилось катализатором социального и культурного развития, прогресса минойского мореплавания и изменений в экономике в целом, что повлекло за собой повышение социального статуса мужчины.

Примечания:

1. Андреев Ю.В. Минойский матриархат. // Вестник древней истории, 1992, № 2. - С. 3
2. Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958, - С. 175.

Э.В. Левченко

Современные контуры теории девиантного поведения

Интерпретационная палитра современных девиантологических концепций многообразна и по определенным научно-теоретическим позициям до сих пор не согласована. В то же время в осмыслении причинно-следственных зависимостей отклоняющегося поведения выделяются три подхода: криминологический, социально-психологический и социологический (с многочисленными теориями объяснения причин социальных девиаций). Существование данных подходов обусловлено поливариантностью человеческой деятельности, многообразием ее детерминирующих факторов. Раскрытие феномена девиантного поведения имеет определенную специфичность, которую мы попытаемся концептуально охарактеризовать.

Изучение социальных девиаций на основе криминологической методологии характеризуется достаточной, на наш взгляд, четкостью научно-теоретических трактовок. Негативное социальное поведение¹ предстает как поведение, нарушающее нормы права (уголовного, гражданского, административного). При этом необходимо подчеркнуть, что задача любой науки, в том числе и правовой – обозначить признаки, по наличию (отсутствию) которых то или иное действие может адекватно квалифицироваться. В этом отношении для различения применяемых санкций и установления наказания учитываются, как правило, два основных критерия: противоправность и общественная опасность.

Согласно юридической методологии характеристика отклоняющегося поведения осуществляется на основании трех основных критериев (субъект, объект, объективная – субъективная сторона).